

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 383–393

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 383–393
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-383-393>

Научная статья
УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929Писемские

Основатель Томска Гаврила Иванович и неизвестный воевода Саратова Яков Гаврилович Писемские: страницы биографии

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена биография неизвестного ранее воеводы Саратова Якова Гавриловича Писемского, а также его отца – Гаврилы Ивановича, основателя города Томска. Яков Писемский начал службу выборным дворянином по Туле, затем стал московским жильцом, некоторое время был стольником патриарха Филарета, а с марта 1628 г. до конца жизни – московским дворянином. Служба воеводой в Саратове в 1642–1643 гг. стала последним этапом его жизненного пути.

Ключевые слова: Смутное время, Столбовский мир, воевода, боярские списки, Саратов, Г. Ф. Миллер, родословные росписи, Иван Тургенев, Тюмень

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Основатель Томска Гаврила Иванович и неизвестный воевода Саратова Яков Гаврилович Писемские: страницы биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 383–393. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-383-393>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The founder of Tomsk Gavrila Ivanovich and the unknown governor of Saratov Yakov Gavrilovich Pisemsky: Biography pages

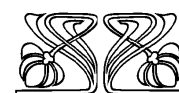
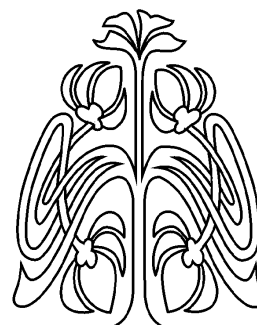
Ya. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

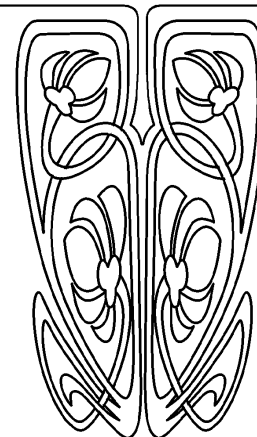
Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Abstract. The article for the first time presents the biography of the previously unknown governor of Saratov Yakov Gavrilovich Pisemsky, as well as his father, Gavrila Ivanovich, the founder of the city of Tomsk. Yakov Pisemsky began his service as an elected nobleman in Tula, then became a Moscow tenant, for some time he was the steward of Patriarch Filaret, and from March 1628 until the end of his life – a Moscow nobleman. Service as governor in Saratov in 1642–43 was the last step in his life.

Keywords: the Time of Troubles, Peace of Stolbovsky, voivode, boyar lists, Saratov, G. F. Miller, genealogical lists, Ivan Turgenev, Tyumen

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

For citation: Rabinovich Ya. N. The founder of Tomsk Gavrila Ivanovich and the unknown governor of Saratov Yakov Gavrilovich Pisemsky: Biography pages. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 383–393 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-383-393>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В последнее время остается все меньше «белых пятен» в истории левобережного Саратова, открываются новые имена воевод, неизвестные А. А. Гераклизову, составившему самый полный список начальных людей этого города за период с 1600 до 1700 г. [1, с. 61–82]. И вот теперь можно сказать, что наиболее темный период истории Саратова, которым считаются 1640-е гг., остался в прошлом. Удалось выяснить, что воеводой Саратова в 1646–1648 гг. был Василий Александрович Чоглоков [2, с. 47–58], которого сменил князь Федор Петрович (а не Никитич, как считал Гераклизов) Борятинский (1648–1650) [3, с. 506–516], а указанный Гераклизовым Иван Юрьевич Тургенев никогда не был воеводой Саратова.

Долгое время было неизвестно, кто сменил воеводу Саратова Григория Никитича Орлова в конце 1641 или в начале 1642 г., и кого сменил следующий воевода Аверкий Федорович Болтин, отправленный на Саратов в феврале 1644 г. [4, с. 244–255]. Было ясно, что ответ следует искать либо в документах Печатного приказа за указанные годы, надеясь, что там окажутся грамоты, адресованные воеводе Саратова, либо в неопубликованных боярских списках за 1641–1643 гг., ведь практически все воеводы Саратова, за немногим исключением, были представителями Государева двора. Хорошо известно, что в боярских списках, составлявшихся ежегодно, фиксировались все воеводские назначения и другие «командировки» стольников, стряпчих, московских дворян и других представителей Государева двора. Конечно, можно было еще надеяться на удачу, вдруг в сохранившейся переписке каких-нибудь служилых людей, в родословной росписи и других источниках случайно окажется фраза «в 151 (или 152) году при воеводе Саратова» (и далее имя этого неизвестного воеводы), а потом описание какого-то события, случившегося с этим человеком.

Самое интересное заключается в том, что этот «неизвестный» никому ранее саратовский воевода, наоборот, является самым первым из всех воевод Саратова, который был указан в публикации еще в XVIII в., задолго до упоминания Н. М. Карамзиным воеводы Замятни Сабурова и его помощника Владимира Аничкова (имена других воевод Саратова русские историки С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров стали приводить, начиная с середины XIX в., а первые списки воевод были опубликованы в конце 1880 – начале 1890-х гг.).

В гл. 9 «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (этот труд был напечатан на немецком языке самим Миллером в т. 8 «Sammlung Russischer

Geschichte» в 1763 г.) содержится примечательная запись. Приведем ее на русском языке по академическому изданию 1937 г. (перевод немецкого текста выполнен Г. Л. Гейермансом и отредактирован А. И. Андреевым и С. В. Бахрушиным): «§ 94. В мае (1648 г.) прибыли на Тюмень, или, вернее, на реку Пышму калмыцкое посольство и караван от матери Ишкена-тайши и привезли с собой от тайши Берги русского пленного, за которого требовали выкуп. Это был захваченный калмыками и ногайскими татарами в 1644 г. саратовский стрелец, отправленный тамошним воеводой Яковом Писемским с отписками в Москву» [5, с. 115].

Московский историк-архивист Егор Горбатов, многие годы занимающийся публикацией боярских списков, готовя к изданию боярские списки 1641/42 г. и 1642/43 г., также обнаружил, что в этих источниках на Саратове указан Яков Гаврилович Писемский [6, л. 62; 7, л. 78].

Род Писемских известен с XV в., хотя в их родословной еще много неясностей. В справочнике В. В. Руммеля имеется много лакун, посвященных данному роду, приведены 4 его ветви, связь между которыми Руммель не смог определить [8, с. 251–258]. Некоторые вопросы удалось прояснить после публикации А. С. Антоновым и К. В. Барановым одного судебного дела из-за выморочной вотчины Якова Гавриловича Писемского [9, с. 317–324]. Здесь более подробно, чем у Руммеля, описана начальная родословная Писемских по состоянию на середину XVII в. Суд был в 1645 г., когда Яков Гаврилович Писемский уже умер. Оба спорщика доказывали свое родство с Яковом Писемским, надеясь получить его вотчину.

Самый ранний из известных представителей этого рода – Борис Юрьевич Писемский. По словам В. В. Руммеля, дети боярские Иван Васильевич и Иван-Виляй Писемские сопровождали в Литву в 1495 г. великую княжну Елену Ивановну, невесту литовского кн. Александра Казимировича [8, с. 251]. Упомянутый Иван Васильевич, видимо, был внуком этого Бориса Писемского.

В Дворовой тетради середины XVI в. указаны три брата Писемских, которые служили по Кашире (дворовые дети боярские): «Федор, да Алешка, да Иванец Андреевы дети Писемского. Федор в полону» (других представителей рода Писемских здесь нет) [10, с. 163]. Это были дети Андрея Ивановича Писемского, сына указанного ранее Ивана Васильевича Писемского. Братья Писемские принадлежали к старинному роду костромских вотчинников. Младший из этих

братьев – Иван Андреевич Писемский – был дедом будущего воеводы Саратова. В. В. Руммель приводит много сведений о старших братьях И. А. Писемского [8, с. 251]. Федор Андреевич Писемский дослужился до думного дворянина, был послом в Крыму, Польше, Англии, вел переговоры со шведами, умер в 1591 г. [11, с. 221, 231, 254; 12, с. 62, 64, 65, 71, 95, 142, 194, 266, 284; 13, с. 40, 52, 114, 115, 198, 201; 14, с. 579]. Алексей Андреевич Писемский в 1580–1590-е гг. служил головой во многих городах (Орле, Мценске, Болхове, Рязани, Крапивне, Туле, Ряжске) [14, с. 579].

Младший брат Иван Андреевич Писемский при Иване Грозном подвергся опале за то, что якобы «говорил про государя непригожие речи» [15, с. 349], потом при царе Федоре Ивановиче служил осадным головой в 1580–1590-е гг. на Туле, Деделове, Белеве, Новосили, умер в 1595 г., оставив единственного сына Гаврилу [14, с. 579; 16, с. 108, 236, 333].

У Андрея Ивановича Писемского, кроме трех указанных братьев, было еще два сына – Василий и Даниил, но о них мало что известно, хотя из этой ветви Писемских только потомки Даниила Андреевича Писемского пережили бурные события XVII и XVIII вв. [8, с. 251–258].

Отец будущего воеводы Саратова Гаврила Иванович Писемский – личность хорошо известная. Его связь с первым представителем рода Писемских можно указать следующим образом: Борис Юрьевич Писемский – Василий – Иван – Андрей – Иван – Гаврила. Службу он начал в 1589 г., 25 июня этого года был внесен в списки жильцов в боярском списке 1588/89 г. Молодость его подчеркнута тем, что в этом боярском списке он назван «Гаврилко Иванов» [16, с. 212]. В 1590-е гг. его имя в источниках упоминается редко. Известно, что Гаврила Писемский в 1595 г. вместе со своим дядей Алексеем Андреевичем имел вотчину – с. Исаево с деревнями и пустошами в Шачебольском стане Костромского уезда. Это указано в выписке из платежных книг 1595–1597 гг. князя Федора Кривоборского, составленной после смерти отца Гаврилы Ивана Андреевича Писемского [17, с. 75].

Вновь Гаврила Писемский упоминается в источниках в 1602 г. В Боярском списке 1602/03 г. он записан дворянином по выбору из Тулы с окладом 600 четвертей. Против его фамилии стоит помета – в Сибирь [16, с. 278].

У Руммеля Гаврила Писемский указан головой в сибирском городе Сургуте уже в 1602 г. Однако в одной из разрядных записей говорится, что только в феврале 1603 г. послали из Москвы в Сургут воеводу Федора Васильевича Головина и голову Гаврилу Иванова Писемского [18, с. 54]. Так что прибытие Головина и Писемского в Сургут, скорее всего, состоялось лишь в апреле – мае 1603 г. В источниках он назван головой у казаков и письменным головой. Прибыв в Сургут, новые воеводы переписали всех служилых

людей и раздали им государево жалование. Выяснилось, что имеются большие потери среди гарнизона, убито в посылках, острогах и умерло 115 казаков и стрельцов, а вместо выбывших смогли прибрать только 40 чел. Получив такое тревожное донесение, царь Борис Годунов приказал 3 марта 1604 г. воеводам Верхотурья срочно набрать охочих людей в сургутские стрельцы и казаки «на выбылые места» и направить их в Сургут, выдав им хлебное и денежное жалование. Верхотурские воеводы получили царский указ 4 апреля, и к лету 1604 г. подкрепление прибыло в Сургут [19, с. 58–59]. Теперь с новыми силами можно было уже проводить дальнейшее освоение Сибири.

Немногим более года (весна 1603 г. – лето 1604 г.) Гаврила Писемский служил в Сургуте под началом воеводы Ф. В. Головина, а в сентябре 1604 г. вместе с тобольским сыном боярским Василием Фомичем Тырковым он уже построил Томский острог на правом берегу р. Томь для сбора ясака и приведения «кочевных волостей под государеву высокую руку». Наказ ему о строительстве Томска был отправлен из Москвы в Сургут 25 марта 1604 г. [20, с. 411–412]. Г. И. Писемский является основателем г. Томска, его первым «воеводой». Фактически он был письменным головой, старшим начальником этого города, но будем его условно называть воеводой. В комментариях к труду Г. Ф. Миллера публикаторы сообщали, что в фонде Сибирского приказа сохранились две грамоты в Сургут, касающиеся основания Томска. Первая грамота от 20 января 1604 г. по челобитью «Томской волости Тояна князя». Видимо, в ней давалось предварительное распоряжение о подготовке к строительству нового города. Вторая грамота – от 23 марта 1604 г. о построении города на р. Томь, в которой уже конкретно поставлена задача Писемскому и Тыркову. В этом же фонде Сибирского приказа сохранился и полный текст наказа будущим строителям Томска [20, с. 507]. Учитывая большое расстояние от Москвы до Сургута и время на подготовку к такой дальней экспедиции, можно считать, что отправка из Сургута служилых людей к месту строительства будущего города началась только летом 1604 г.

Одновременно с отправкой наказа будущим строителям Томска были посланы из Москвы в конце марта 1604 г. грамоты в другие города о направлении в Сургут дополнительных контингентов служилых людей для строительства Томска. Из Тюмени было приказано направить 50 стрельцов и казаков с атаманом Дружиной Юрьевым, двух пушкарей, одну скорострельную пищаль [20, с. 411].

Из Березова были отправлены кодские остяки в Сургут. Позже, уже во времена Василия Шуйского, князь кодских остяков Онжа Юрьев писал, что он и 100 остяков в 1604 г. вместе

с Гаврилой Писемским «город ставили и всякое городовое дело делали» [20, с. 415–416].

Более точные даты строительства Томска (сентябрь 1604 г.) указаны в так называемой «Росписи Томских воевод», опубликованной вместе с Сибирской летописью в Полном собрании русских летописей и в одной из отписок кетского воеводы. В Росписи Томских воевод (документе, составленном по материалам томской приказной избы) говорится, что «воеводы в Томской учали ездить со 113 году. Были воеводы головы Гаврило Писемской да Василей Тырков, сиденья их было 2 годы, приехали в Томской сентября в 14 день и город обложили сентября в 17 день» [21, с. 344–345]. Другая дата на десять дней позже (27 сентября 1604 г.) приводится в отписке кетского воеводы Постника Бельского, в которой подчеркнута, что по царскому наказу Бориса Годунова «в Томской волости город зделали со всеми крепостями сентября в 27 день» [20, с. 413–414]. Активное участие в строительстве Томска принял конный казак Тюменского города Гаврилка Иванов, который в конце 1622 г. писал, что ставил Томский город при воеводе Гавриле Писемском. Этот ветеран сибирской службы участвовал еще в походе Ермака, служил 42 года, до Томска он еще ставил Тюмень, Тобольск, Тару, Пелым [20, с. 454–455].

Воеводам Писемскому и Тыркову помогал и вел всю документацию в Томске подъячий Кирилка Федоров. Первой в Томске была построена церковь Сергия Радонежского, ведь основание города пришлось на память этого святого (она в те годы отмечалась 25 сентября). Местный томский поп с таким же именем Сергей сразу же стал заниматься крещением ясашных людей и проводить все необходимые церковные службы.

Из нового города Томска воеводы Писемский и Тырков прислали донесение, в котором говорилось, что они должны были прибрать в этот город в служивые люди и на пашню «из Зырян» 50 чел., но смогли найти только 5 чел., поэтому царь Борис Годунов 24 февраля 1605 г. (за 2 месяца до своей кончины) дал указание воеводам Верхотурья прибрать в Томск 50 чел. «гулящих охочих людей... молодых, добрых, и стреляти которые б умели» [22, с. 62]. Почва в районе Томска была плодородной, вскоре местный гарнизон перестал испытывать недостаток хлеба. Это тоже была заслуга Писемского и Тыркова. Пытались воеводы заключить соглашения с соседними племенами. В декабре 1604 г. Писемский и Тырков посылали к Белым Калмыкам, к князю Обаку своих людей – тобольского литвина Ивашку Поступинского и томского конного казака Бажена Константинова для переговоров. Вернулись эти послы в Томск 2 января 1605 г. [20, с. 424].

Споры воевод Томска с соседним воеводой Кетского острога Постником Бельским насчет

сбора ясака и ясачных людей с волостей Чулыма и Киргизов были со временем улажены, хотя изначально Постник Бельский был очень недоволен действиями Гаврилы Писемского и написал томским воеводам гневное письмо: «Вы поступаете напрасно в мой присуд, тем меня лаετε, и мне о том писать государю. А будем, даст бог, на Москве, и увидим царские очи, и мне бить челом на вас о бесчестье» [20, с. 412–413].

К лету 1605 г. между воеводами соседних городов было налажено взаимодействие, они предупреждали друг друга о враждебных намерениях кочевников. Так, в июле 1605 г., когда в Москве уже царствовал Лжедмитрий I, Постник Бельский направил Гавриле Писемскому сообщение о подготовке врагами нападения на Томск. Они собирались улучшить удобный момент, когда томские служилые люди разойдутся на пашни и на рыбную ловлю, чтобы их перебить и захватить Томск. Во главе заговора стояли Томский князец Басандай, Киргизский князец Номзи, Чулымский князец Лага, Обский князец Байбахта [20, с. 414–415]. Публикаторы указали дату этого документа между 7 июля и 31 августа, руководствуясь тем, что кетский воевода устроил допрос заговорщикам 7 июля и он же указывает везде «нынешний 113-й год», который кончается 31 августа 1605 г. Однако, учитывая опасную ситуацию, воеводе следовало действовать быстро, поэтому данную отписку воевода Постник Бельский, скорее всего, отправил в Томск в тот же день – 7 июля.

Когда Гаврила Писемский уехал из Томска в Москву, точных сведений нет. Видимо, придя к власти, Лжедмитрий I отправил воевод в Сибирь с новыми наказами и с требованием присяги ему. Дорога из Москвы до далекого Томска занимала не менее 3 месяцев. В любом случае, какое-то время Гаврила Писемский находился в Томске при Лжедмитрии I. В разрядных записях за 1605/1606 г., опубликованных С. А. Белокуровым, среди ряда событий, произошедших во время правления этого самозванца, указывается: «В Томи воеводы: Гаврило Иванович (в других списках – «Иванов сын». – Я. Р.) Писемской да Василей Фомин сын Тырков» [23, с. 78, 135].

Смена воевод в Томске произошла, видимо, весной – летом 1606 г. Известно, что сменщики, отправленные Лжедмитрием I, Матвей Ржевский и Семен Бартенев в 114 г. (1605/1606), когда ехали из Москвы в Томск, то по пути грабили ясашных людей. Потом на их «насилие» жаловались томские служилые люди и местные киргизы [20, с. 416–419].

Прибытие Гаврилы Писемского из Сибири в Москву произошло уже после гибели Лжедмитрия I и совпало с осадой столицы повстанческой армией Ивана Болотникова. Он сражался под Калугой против Болотникова в составе войска Василия Шуйского. В боярском списке 1606/07 г. Гаврила Писемский указан по-прежнему как

тульский выборный дворянин с окладом 600 чети [24, с. 147]. В конце 1612 г. он являлся представителем ополчения Трубецкого и Пожарского на Алатыре и в Арзамасе. В трех различных разрядных записях, приведенных С. А. Белокуровым, информация об этом дополняется. В одной записи говорится, что эти события происходили уже после сентября 1612 г. К сожалению, нигде не говорится, кто именно отправил Гаврилу Писемского на Алатырь: «*Во 121-м году послан на Олатырь збирать денег даточным людем под Москву Гаврила Иванов сын Писемской, а посылал от себя в уезд збирать денег княз Дмитрея княж Иванова сына Болховского*» [23, с. 234].

В другой записи уточняется, что он не только собирал деньги и ратных людей, но и сам вместе с ними шел под Москву [23, с. 112]. В третьей записи дополняется, что воевода Гаврила Писемский собирал ратных людей не только на Алатыре, но и в Арзамасе [23, с. 107]. Скорее всего, эти события происходили в самом начале 121 г., в сентябре – октябре 1612 г. Известно, что Гаврила Писемский имел в 1612 г. в Арзамаском уезде поместье (200 четей), которое ранее принадлежало местным помещикам Ивану и Семену Нетесевым, а после их смерти – их вдовам с детьми. 15 ноября 1612 г. из Москвы от воевод Трубецкого и Пожарского по челобитью Татьяны, вдовы Ивана Нетесева, была отправлена грамота в Арзамас местному воеводе князю Петру Львову, в которой говорилось, чтобы это поместье вновь передать Нетесевым, а «*Гаврила Писемского и его людей ис того поместья велено выслати вон перед собою часа того*» [25, с. 489].

В 1614 г. при Михаиле Романове Гаврила Писемский уже был московским дворянином. Летом 1614 г. он вместе с дьяком Парфеном Кузьминым был отправлен из Москвы в Торжок с деньгами для выплаты жалования атаманам и казакам в войске боярина кн. Д. Т. Трубецкого, находившегося под Новгородом. К моменту прибытия их в Торжок многие казаки уже бежали из войска Трубецкого и стали заниматься грабежами. В итоге значительная часть жалования не была выдана. Писемский с помощником вернулись в Москву и 3 ноября 1614 г. передали в Разрядный приказ оставшиеся деньги 2300 руб. [26, с. 283].

Судя по названию одного из документов, приведенного Н. П. Лихачевым, Гаврила Писемский в 1613/14 г. раздавал деньги казакам не только в Торжке, но и под Смоленском, который в то время был осажден русским войском князя Д. М. Черкасского, а также в Москве. Название этого документа следующее: «*Книги роздаточные роздачи Гаврила Писемского да дьяка Парфена Кузьмина на Москве и под Смоленском атаманом и казаком 122 году*» [27, с. 66–67].

Летом 1615 г. Гаврилу Писемского направили в Невель вторым воеводой (первым воеводой

был назначен стольник Василий Васильевич Вольтинский). Они сменили в этом городе Семена Никитича Гагарина [27, с. 38; 28, стб. 236; 29, стб. 176]. О состоянии Невеля и событиях в этом городе в те годы подробно говорится в книге о южных псковских пригородах [30]. В разрядной записи, опубликованной С. А. Белокуровым, аналогичная запись об отправке в Невель Гаврилы Писемского стоит сразу после отправки под Смоленск на замену воеводам Черкасскому и Троекурову новых воевод Ивана Хованского и Дмитрия (?) Вельяминова (на самом деле – МIRONА Андреевича Вельяминова) [23, с. 258].

В феврале 1616 г. вместо Василия Вольтинского и Гаврилы Писемского в Невель были назначены новые воеводы – Семен Яковлевич Молвянинов и Крик Степанович Евфимьев. Смена воевод произошла относительно быстро, так что уже в марте 1616 г. Гаврила Писемский находился в Москве. Руммель воеводство Писемского в Невеле ошибочно указал вплоть до 1617 г. [8, с. 251]. В Боярской книге 1616 г. Гаврила Писемский значится дворянином московским (записан в середине списка дворян после Казарина Бегичева, 92-м по счету из 274 чел.) [31, с. 144].

В. В. Руммель отмечал, что в 1618 г. Гаврилу Писемский «*межевал шведскую границу*» [8, с. 251]. В соответствии со ст. 12 Столбовского договора, опубликованного в книге шведского королевского историографа Юхана Видекинда, 1 июня 1617 г. должны были съехаться полномочные послы в двух местах, одно из которых было у устья р. Лавуи, а другое – на границе Соломенского и Олонецкого погостов на северо-восточном побережье Ладожского озера [32, с. 439]. В тексте Столбовского договора, опубликованного в Полном собрании законов Российской империи, приводится несколько иная дата съезда на втором участке: «*Да в то ж время близ будущего 1 дня Июля иным обоим Государей полномочным послом ... съехатись на рубежи... дозрети тех уездов старинные рубежи и грани, как они изстари бывали и их утвердити*» [33, с. 183]. Именно этим межеванием границы на втором участке руководил Гаврила Писемский.

В Дворцовых разрядах под 1617/18 г. имеется запись: «*Того ж году межевали государевы послы с Немецкими послами, меж Новгородскаго уезду и королевскаго, Гаврило Иванов сын Писемской да Никита Васильев сын Вышеславцев*» [28, стб. 322]. Более подробно об этом межевании в Лопских погостах говорится в Описи архива Посольского приказа [11, с. 173, 301–302. 403], в труде Н. Н. Бантыш-Каменского [34, с. 151–152], а также в справочнике В. В. Похлебкина [35, с. 203]. Здесь названы имена всех русских и шведских послов и подчеркнута, что эти переговоры велись не только в 1617/18 г., как отмечал Руммель, а продолжались с перерывом вплоть

до августа 1621 г. Все это время «государев межевой дворянин» Г. И. Писемский возглавлял эти переговоры. В Описи архива указан документ – «*Столп свейской межевальной Гаврила Писемского с товарищи 129-го году по 130-й год*» [11, с. 302]. Судя по названию документа, Гаврила Писемский в 129 (1620/21) г. продолжал руководить межеванием пограничных земель. Юхан Видекинд, на базе сочинения которого писал свое исследование о переговорах при межевании земель И. П. Шаскольский [36, с. 114–120], подробно разобрал, с какими трудностями велись эти переговоры, как они прерывались и снова возобновлялись из-за спора насчет двух волостей Корельского уезда [32, с. 482–492].

Возвращавшиеся из Стокгольма после ратификации Столбовского договора русские послы во главе с кн. Ф. П. Борятинским по приезде в Выборг в конце сентября 1618 г. узнали от гонца Ефима Есипова о срыве переговоров на втором рубеже после того, как «свейские межевальные послы Анц Мунк с товарищи з государевыми с межевальными послы з Гаврилом Писемским с товарищи разъехали за волость Реболу да Ленъдоозерского погосту за деревню Порозеву» [37, с. 67]. Рассерженные шведские послы во главе с Гансом Мунком уехали в Корелу, а «государевы де межевальные послы Гаврило Писемской с товарищи стояли на рубеже две недели, после их отошли стоять на Белоозеро» [37, с. 68].

Судя по всему, срыв переговоров произошел в начале сентября 1618 г. В 1619–1620 гг. съезды на рубеже возобновлялись и эти переговоры успешно завершились только в августе 1621 г. Густав Адольф разрешил своим уполномоченным уступить русским Реполу и Пуроярви (Ребольская и Порозерская волости) [32, с. 488–492].

Н. Н. Бантыш-Каменский отмечал, что 3 августа 1621 г. «на рубеже у Ладожского озера у Варачева камня межевые записи учинив и разменясь оными, кончили многотрудное оное дело» [34, с. 152].

Ю. Видекинд и И. П. Шаскольский считали, что затягивание этих переговоров произошло по вине русской стороны. При этом Видекинд называл только второго посла Никиту Вышеславцева и дьяка Копнина, а имени Гаврилы Писемского не упоминал. И. П. Шаскольский вообще не указывал имен русских послов [32, с. 482; 36, с. 114–120].

Во время этих переговоров местные жители жаловались на русских послов, особенно на второго посла Никиту Вышеславцева, за то, что они брали лишний корм, лошадей, чинили разные убытки крестьянам. Сам же Гаврила Писемский взял у одного местного жителя лисицу стоимостью 13 руб., а денег не отдал за нее [38, с. 371–373].

С 1622 г. сведений о Гавриле Писемском в источниках не обнаружено. По мне-

нию В. В. Руммеля, Гаврила Писемский умер до 1628 г. Точную дату смерти пока выяснить не удалось. Известно лишь, что уже после смерти Гаврилы Писемского, начиная с декабря 1627 г. и вплоть до июля 1628 г., велось дело о передаче части его вотчины в Костромском уезде (с. Исаево в Шачебольском стане), которой он владел сначала совместно с дядей Алексеем Андреевичем Писемским, а затем с дочерью последнего Анастасией, зятю этой Анастасии князю Андрею Андреевичу Голицыну [17, с. 75]. Современный исследователь А. А. Селин считает, что Гаврила Писемский умер намного раньше, еще до 1621 г.: «... Во время длившегося три года размежевания он скончался, и дело разграничения двух государств возглавил Никита Вышеславцев, успешно завершивший его в 1621 г.» [39, с. 274]. Однако никаких источников, подтверждающих данный тезис, исследователь не привел.

Что касается самого Якова Гавриловича Писемского, то он родился, видимо, в конце 1590-х гг., до отправки отца в Сибирь. Участие его в заключительных событиях Смутного времени не обнаружено. Самые ранние сведения о нем приводит Руммель только по состоянию на 1620 г. Под этим годом Руммель отмечает Якова Писемского тульским помещиком [8, с. 251]. Благодаря деятельности отца Яков Гаврилович становится выборным дворянином по Туле. Когда отец длительное время находился в Новгородской земле на межевании, его сын начинал службу на южной границе, среди тульских дворян. Вскоре выборный тульский дворянин Яков Писемский становится московским жильцом.

Ценная информация о службе Якова Писемского в качестве московского жильца содержится в боярском списке 1627/28 г.: «*Великого ж государя святейшего патриарха стольники, а наперед сего были у государя в житье... Велено быть в стольниках в 133-м году*» [40, с. 109–110]. Судя по данному тексту, Яков Писемский московским жильцом служил в течение 1621/22–1624 гг., а потом в 1624/25 г. (в 133 г.) стал патриаршим стольником. В предыдущем боярском списке 1626 г. также констатируется, что Яков Писемский являлся патриаршим стольником [40, с. 33]. Далее в боярском списке повторено, что Я. Г. Писемский стал патриаршим стольником в 133 г., т. е. в 1624/25 г., а «*136-го марта в 9 день государь пожаловал, велел написать в московский список*» [40, с. 110].

В. В. Руммель указывает, что Яков Писемский после службы в 1620 г. тульским помещиком стал московским дворянином с 1627 г. Ему неизвестно, что он был ранее московским жильцом, а потом патриаршим стольником. К тому же московским дворянином он стал не в 1627, а, как свидетельствует запись в боярском списке 1627/28 г., значительно позже – в марте 1628 г. В этом боярском списке Яков Писемский записан после кн. Андрея Морткина и Ермолы

Милюкова перед Иваном Зюзиным, которые стали московскими дворянами также весной 1628 г. [40, с. 146]. Аналогичную картину можно наблюдать и в следующих боярских списках – в 1629 г. [40, с. 304] и в 1629/30 г. Однако список 1629/30 г. отличается от других тем, что в нем все чины расписаны по статьям для упорядочения последующих списков – Милюков указан в 3-й статье, а Писемский с Зюзиным – во 2-й [40, с. 386]. Поэтому в дальнейших списках 1630/31 г. и 1631/32 г. Писемский стоит уже между Морткиным и Зюзиным, а Милюков – в конце [40, с. 484].

Сразу после назначения в состав московского дворянства в том же 1628 г. Яков Писемский значится в боярском списке на Валуйке, как и многие другие московские дворяне [40, с. 222]. Обычно такая служба на Валуйках была связана с «посольской разменой». В книгах разрядных в 1628 г. указано, что на Валуйки были назначены окольный Ф. Л. Бутурлин и дьяк Воин Трескин. В этом источнике приводится количество служилых людей из разных городов, которые должны были сопровождать окольного Бутурлина. Известно, что 28 мая 1628 г. дополнительно царь повелел послать для посольской размены с окольным Федором Бутурлиным 100 дворян московских и 100 жильцов [41, стб. 826; 42, стб. 60]. А далее в разрядах имеется запись: «И того году окольной Федор Бутурлин и Воин Трескин и [ратные люди] на Волуйке для посольские размены не были» [42, стб. 60].

Однако в сентябре 1628 г. (т. е. уже в следующем 7137 г.) в Дворцовых разрядах отмечалось, что такая отправка служилых людей на Волуйки все же состоялась, но позже (указ был от 3 сентября 1628 г.). В Крым отправлялись посланники Лаврентий Кологривов и подъячий Алексей Дуров, а с ними вместе возвращались домой крымские послы. Возле Волуек на р. Ураеве они должны были встретить возвращавшихся из Крыма прежних послов Степана Тарбеева и подъячего Ивана Басова, а также послов нового крымского хана Джан-бек Гирея. Среди 100 московских дворян, сопровождавших послов, указан Яков Гаврилович Писемский, причем в самом начале списка (17-м по списку) [41, стб. 827]. Здесь приведен и список 100 московских жильцов. Также на этой размене были 200 московских стрельцов. Однако «посольская размена» в то время так и не состоялась. Служилые люди стояли на Осколе до января 1629 г., а в январе были распущены по домам. Весной 1629 г. на замену им на Оскол прибыли из Москвы другие 50 дворян, 50 жильцов и 200 стрельцов (прежние стрельцы также оставались на Осколе). Размен на Волуйках состоялся только в сентябре 1629 г. [41, стб. 824–831].

В Дворцовых разрядах придворная служба московского дворянина Якова Гавриловича Писемского за период 1629–1633 гг. никак не отмечена. Вновь мы видим его уже во время заверша-

ющего этапа Смоленской войны. В. В. Руммель указывал, что Яков Писемский в 1634 г. был головой в Волоколамске [8, с. 251]. Один из списков Дворцовых разрядов позволяет более подробно осветить этот сюжет (список Е, частная разрядная книга, принадлежавшая детям окольного Алексея Ивановича Зюзина).

После капитуляции армии Шеина под Смоленском дорога на Москву для польского короля Владислава была фактически открыта. Кроме полка в Можайске, где находились полковые воеводы бояре и князь Д. М. Черкасский и Д. М. Пожарский, на Волоку Ламском срочно формировался полк кн. Никиты Ивановича Одоевского, помощником которого был кн. Иван Федорович большой Шаховской (в будущем – один из воевод Саратова). В списке Е Дворцовых разрядов дается роспись воевод по городам после 2 марта 1634 г. В полку кн. Н. И. Одоевского на Волоке в качестве головы у московских дворян, жильцов и выборных дворян из городов указан только один человек – Яков Гаврилов сын Писемский. Далее приводятся головы у городских дворян (12 голов) и голова у татар. У второго воеводы кн. И. Ф. Шаховского в подчинении указаны всего 3 головы городских дворян и голова у татар. Судя по данной записи, Яков Писемский был выше всех упомянутых 17 голов, он стоял первым после воевод Одоевского и Шаховского [41, стб. 395–396]. Как известно, король Владислав после Смоленска занялся осадой крепости Белой, героическая оборона которой воеводой кн. Ф. Ф. Волконским сорвала все планы Владислава по походу на Москву. Вскоре был заключен Поляновский мир.

После Смоленской войны имя дворянина Якова Писемского вновь пропадает из Дворцовых разрядов. Мы не видим его среди других московских дворян, выполнявших обычные дворцовые обязанности, его имени нет на различных придворных церемониях, встречах послов, праздничных обедах. Единственная запись, которую удалось обнаружить в другом источнике – Записной книге Московского стола 1636/37 г., относится к марту 1637 г. В это время царь уезжал в с. Покровское. В Москве оставались за царя бояре князь Иван Андреевич Голицын, Андрей Васильевич Хилков и окольный Степан Матвеевич Проестев. 24 мая 1637 г. дневал и ночевал на государевом дворе с кн. А. В. Хилковым, с 43 стольниками, 9 стряпчими, 47 московскими дворянами и 10 дьяками Яков Гаврилович Писемский (он указан 16-м в списке московских дворян) [43, с. 92].

На следующий год Яков Писемский, как и большинство московских дворян, был отправлен на Тулу. После того, как донские казаки взяли турецкую крепость Азов, угроза войны с Османской империей стала вполне реальной, поэтому все чины государева двора были разделены по половинам, одна часть находилась на Туле.

В «Подлинном» боярском списке 1637/38 г. напротив фамилии Я. Г. Писемского имеется запись «на Туле» [44, с. 63]. В следующем «Подлинном» боярском списке 1638/39 г. он вновь указан «на Туле», но эта помета зачеркнута, следовательно, в начале этого 7149 г., т. е. в сентябре – октябре 1638 г., когда составлялся этот боярский список, он еще находился на Туле, а к зиме 1638/1639 г. был отозван в Москву, когда опасность татарских набегов уменьшилась [45, с. 186].

В. В. Руммель отмечал, что Яков Писемский был московским дворянином в 1627–1640 гг. Насчет начальной даты уже говорилось (правильно – с 9 марта 1628 г.). Конечная дата также требует уточнения. После 1640 г. Яков Писемский был еще жив, продолжал служить московским дворянином. Именно эти последние несколько лет его жизни после 1640 г. связаны с левобережным Саратовом. В боярском списке 1641/42 г. против его фамилии стоит помета – «на Саратове» [6, л. 62].

Скорее всего, Яков Писемский прибыл в этот город из Казани с весенним караваном в конце апреля – начале мая 1642 г. К тому времени уже сложилась практика смены воевод на Саратове и Самаре. Со вскрытием Волги ото льда в апреле почти одновременно направлялись два каравана – плавной из Казани в Астрахань и верховой – из Астрахани в Казань. В Астрахани Волга раньше вскрывалась ото льда, но каравану приходилось медленно плыть вверх против течения, постоянно натываясь на движущиеся навстречу льдины. Расчетное время от Казани до Астрахани составляло 4 недели, а из Астрахани до Казани – 6 недель (именно на такой срок выдавалось продовольствие). Из Казани караван обычно направлялся на Низ «со льдом вместе» с началом ледохода. Караван из Казани прибывал в Саратов на неделю – две раньше, чем караван из Астрахани. Этого времени было вполне достаточно, чтобы новый воевода принял все дела у прежнего воеводы, который, дождавшись прибытия каравана из Астрахани, с ним вместе отправлялся к Казани и далее в Москву докладывать о завершении воеводской службы.

Прибыв в Саратов, новый воевода Яков Писемский выполнял обычные воеводские обязанности – встречал и провожал посольские и другие караваны, обеспечивая их безопасность плавания по Волге в своей зоне ответственности. Воевода, как правило, выделял для сопровождения караванов до 100 саратовских стрельцов. Сюда входит и борьба с воровскими казаками и кочевниками, причем к прежним ногайским отрядам присоединились новые, более опасные кочевники – калмыки. Приходилось оборонять от них и сам Саратов. Одно из таких нападений, видимо, произошло при воеводстве Якова Писемского в 1643 г., что вынудило русское правительство в 1644 г. при новом воеводе Аверкии

Болтине предпринять поход в степь отряда Льва Афанасьевича Плещеева [46, с. 126–134]. Позднее калмыцкие тайши в ответ на упреки русского посла А. Кудрявцева «Вы приходили под Саратов и другие понизовые города», отвечали ему: «Под Саратов и другие города мы не прихаживали, а если кто приходил из нас украдкою, того мы не знаем, потому что кочуем не в одном месте» [47, с. 616–617].

Еще одна задача, стоявшая перед воеводой Саратова, в те годы так и не смогла быть выполнена в связи с отсутствием соответствующих воинских сил. Речь идет о безопасности гонцов, сухопутных караванов из Москвы до Саратова в ближайшей его окрестности (до р. Медведицы). В источниках постоянно встречаются записи о нападениях крымцев, ногайцев и даже калмыков на правобережье на служилых и посадских людей. Одним из таких «пострадавших» был десятник конных саратовских стрельцов Степан Карташов. Он дважды попадал в плен к кочевникам: первый раз – при возвращении из Москвы в Саратов в конце 1637 г., а второй раз – при отправке из Саратова в Москву осенью 1643 г. Вторично его взяли в плен калмыки уже при воеводе Якове Писемском, о чем говорится в одном источнике, вроде бы не имевшем никакого отношения к воеводе Саратова. Этот важный источник заслуживает того, чтобы его процитировать. Речь идет об отписке одного сибирского воеводы (Ивана Тургенева из Тюмени) другому воеводе (Федору Шишкину в Туринск), причем через несколько лет после смерти Якова Писемского. В начале мая 1648 г. недалеко от Тюмени на р. Пышма состоялась встреча с калмыцким посольством, которое отправила в Тюмень жена Талай тайши. Калмыцкий посол при встрече рассказал русским служилым людям, что его прислала «тайшиха на Тюмень с лошадыми, а лошадей с ними 90 кляч, да с собою ж они привезли продавать руского саратовского полоненника конного стрельца Стеньку Карташа». При распросе стрелец Степан Карташов сказал воеводе Тургеневу следующее: «В прошлом де во 152-м году послан был он Стенька з Саратова от воеводы от Якова Писемского к государю к Москве с отписками, а с ним де было провожатых служилых людей 20 человек, и их де встретили на дороге нагайские и колмацкие воинские люди и ево де Стеньку взяли в полон жива, а иных товарищей ево побили, и он Стенька жил в полону у колмацкого тайши у Бергия 5 лет...» [48, с. 526]. К сожалению, точной даты отправки Степана Карташова из Саратова в Москву воеводой Писемским выяснить невозможно, одно можно утверждать точно, что осенью 1643 г. (в начале 152 г.) Яков Писемский еще находился на своем воеводском посту на Саратове. Эти нападения калмыков на русские города на Волге вынудили русское правительство в начале 1644 г. организовать крупную воинскую экспедицию против

кочевников, которая была успешно осуществлена воеводой Львом Плещеевым.

Из русских посольств, охрану которых обеспечивал воевода Писемский, отметим посольство лета 1642 г. в Персию Семена Васильевича Волынского и дьяка Сергея Матвеева, а в августе – сентябре 1643 г. возвращение посольства из Грузии кн. Ефима Федоровича Мышецкого. В эти же годы в Саратове останавливались хивинские, балхинские, кумыцкие и персидские послы [49, с. 80–90].

В боярском списке 1642/43 гг. против фамилии Якова Писемского по-прежнему стоит помета «На Саратове» [7, л. 78]. Она не зачеркнута, следовательно, до осени 1643 г. он оставался в этом городе. А вот в следующем боярском списке 1643/44 г. имеется примечательная запись: «Яков Гаврилов сын Писемской. На Самаре. Умре 152-го году» [50, с. 415]. Запись была зачеркнута. Это свидетельствует о том, что в течение этого 152 (1643/44) г. в Москве уже знали о судьбе Я. Г. Писемского и его смерти. Вопрос о том, почему указана Самара, а не Саратов, остается открытым. Можно предположить ряд вариантов (дьяки перепутали Саратов с Самарой, длительное пребывание на Самаре при возвращении домой из Саратова, возможную смерть на Самаре и многое др.). Одно можно сказать: в 1644 г. Якова Писемского уже не было в живых.

Яков Гаврилович был женат на Марии, дочери Ильи Васильевича Наумова. Теща Якова Писемского Зиновия была из рода Бельских (дочь Ивана Андреевича Бельского). В 1639 г. после смерти тестя Ильи Васильевича Наумова Яков Писемский приобрел вотчину тещи вдовы Зиновии сельцо Елкино в Ясеницком стане Бежецкого уезда [17, с. 427].

В апреле 1641 г. Яков Писемский указан душеприказчиком тещи Зиновии (Зинаиды). Ее вотчины, которые находились в Угличском и Звенигородском уездах, были переданы дочери Федоре (родной сестре Марии, жены Якова Писемского) и ее мужу Федору Ивановичу Леонтьеву [17, с. 812]. Получается, что Яков Писемский и Федор Леонтьев были женаты на сестрах. Судя по всему, Федора была намного младше Марии. Следует отметить, что этот Федор Иванович Леонтьев через 20 лет после Якова Писемского будет назначен воеводой Саратова, а потом еще через 20 лет станет фактическим основателем нового правобережного Саратова вместе с полковником Александром Шелем [51, с. 237–244].

Еще один источник, связанный с женой Якова Писемского Марией Ильиничной, урожденной Наумовой, и ее дальнейшей судьбой, косвенно свидетельствует о кончине Якова Писемского в 1644 г. В январе 1632 г. Яков Писемский купил вотчину в Мишустине и Серебожском станах Переславского уезда из порозжих земель (несколько пустошей). Сохранилась выписка из приходной

книги от 14 марта 1644 г. на эту вотчину в Переславском уезде, причем некоторые пустоши со временем превратились в села и деревни, сельское хозяйство уже было восстановлено после Смутного времени. После смерти Якова Писемского эти земли стали принадлежать его вдове Марии, которая через несколько лет вторично вышла замуж за Дмитрия Михайловича Толочанова. После ее смерти Дмитрий Толочанов, ставший хозяином этих земель, продал в 1651 г. вотчину думному дьяку Семену Ивановичу Заборовскому [17, с. 914].

Сразу после смерти Якова Писемского начались споры из-за его земельных владений. Известно, что у Гаврилы Ивановича Писемского, кроме сына Якова, была еще дочь Екатерина, которая вышла замуж за кн. Юрия Дмитриевича Хворостинина. После смерти Якова Гавриловича его племянник по матери кн. Федор Юрьевич Хворостинин спорил с одним из Писемских – Иваном Прохоровым Писемским. Этот Иван Писемский пытался доказать свое близкое родство с Яковым, но в итоге выяснилось, что он был только его шестикордным братом.

Князь Ф. Ю. Хворостинин ссылаясь на Уложение царя Михаила и патриарха Филарета от 24 октября 1628 г., в котором говорится, что если у умершего не останется сына, а останется дочь, родовые вотчины следует отдать ей. Так как у Якова Писемского не было наследников, то родовые вотчины должны по закону перейти к его родной сестре Екатерине и ее детям, т. е. к нему, кн. Ф. Ю. Хворостинину. Видимо, Иван Писемский проиграл это спорное дело в ноябре 1645 г. [9, с. 317–324].

Из указанного документа следует, что многие предки Якова Писемского имели тесные связи с Троице-Сергиевым монастырем, делали туда щедрые вклады, отдавали свои вотчины, постригались и служили в этом монастыре, один был даже в нем строителем. Отец Якова Гаврилы Иванович, дед и другие родственники похоронены в Троице-Сергиевом монастыре, их имена записаны в синодики и во вкладные книги. Некоторые вотчины Писемских в Костромском уезде были отданы в Троицу, в начале опричнины Писемские подверглись опале, были сосланы в Казань, Тулу и другие места. Интересный факт – одного из Писемских в молодом возрасте «убило громом на паперти у Троицы» [9, с. 321]. Видимо, и Якова Писемского похоронили в Троице-Сергиевом монастыре.

Список литературы

1. *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 61–82.
2. *Рабинович Я. Н.* Окольничий Василий Александрович Чоглоков : страницы биографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 47–58.

3. Рабинович Я. Н. Воевода Саратова князь Федор Петрович Борятинский (1648–1650) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 506–516. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-506-516>
4. Рабинович Я. Н. Аверкий Федорович Болтин, воевода Саратова (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>
5. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 2. 640 с.
6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. Д. 1064, ч. 1.
7. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 182.
8. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1887. Т. 2 (М–Я). 918 с.
9. Выписка Поместного приказа с изложением спорного дела между кн. Федором Юрьевым сыном Хворостинина и Иваном Прохоровым сыном Писемского о выморочных вотчинах Якова Гаврилова сына Писемского в Костромском и Переяславском уездах. 1645, ноябрь // Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов : в 4 т. Т. 1. М. : Археографический центр, 1997. № 318. С. 317–324.
10. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. [Текст] / подгот. к печати А. А. Зимин ; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. 456 с.
11. Опись архива Посольского приказа 1626 года / под ред. С. О. Шмидта : в 2 ч. М. : [б/и] (Памятники отечественной истории... / Гл. арх. упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. Археогр. комис. при Отд-нии истории АН СССР), 1977. Ч. 1. 416 с. ; Ч. 2. 116 с.
12. Зимин А. А. В канун грозных потрясений : Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М. : Мысль, 1986. 333 с.
13. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб. : Наука, С.-Петербургское отделение, 1992. 280 с.
14. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вв. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 616 с.
15. Опись царского архива 1575–1584 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук : в 4 т. СПб., 1836. Т. 1 (1294–1598), № 289. С. 335–355.
16. Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 506 с.
17. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / под ред. А. В. Антонова, А. Береловича, В. Д. Назарова. М. : Древлекранилище, 2010. 1658 с.
18. Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 4 т. / сост. Л. Ф. Кузьмина, О. В. Новохатко ; под ред. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина. М. : Институт Российской истории РАН, 2003. Т. 4, ч. 2. 143 с.
19. Царская грамота Верхотурскому воеводе Неудаче Плещееву и голове Хлопову, о выборе охочих людей в Сургутские стрельцы и казаки. 1604, марта 3 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 46. С. 58–59.
20. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 1. 608 с.
21. Сибирские летописи, ч. 1 : Группа Есиповской летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков // Полное собрание русских летописей : в 43 т. М. : Наука, 1987. Т. 36. 381, [1] с.
22. Царская грамота Верхотурскому воеводе Плещееву и голове Хлопову, о выборе охочих людей в службу и на пашню в Томск. 1605, февраля 24 // АИ. Т. 2. № 52. С. 62.
23. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907 год. Кн. 2 (221). С. 1–80 ; Кн. 3 (222). С. 81–311. Предисл. С. I–XXVIII.
24. Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сборник документов / отв. ред. Н. М. Рогожин ; Институт российской истории. М. : Наука, 2003, № 39. С. 132–155.
25. Отдельные книги поместья Ивана Большого, Григория и Ивана Меньшого Нетесевых с матерью и вдовы Семена Нетесева. 1613, апреля 16 : Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С. Б. Веселовский (Смутное время Московского государства. Вып. 4) // ЧОИДР. 1916. Кн. 1 (256). М., 1916. № 377. С. 489–491.
26. Приходно-расходная книга Разряда 123 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 275–508.
27. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века : опыт исторического исследования. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. XVI, 559, 72, 101, VI с. (Приложения. С. 1–72).
28. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 5 т. СПб., 1850. Т. 1. 656 с.
29. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). XV, II с., 1380 стб.
30. Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время / под ред. С. А. Мезина. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2021. 332 с. : ил.
31. Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди ...и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 108. С. 138–147.
32. Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова ; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 652, [1] с., [5] л.
33. Договорная запись, учиненная в Стокгольме между дворами Шведским и Российским. О выдаче перебежчиков с обеих сторон, об уплате за перешедших в Россию

- шведских подданных после Столбовского договора со 125 по 156 год, и за другие, причиненные шведским подданным убытки, 190 тысяч рублей и о неприеме на будущее время перебежчиков ни которой из договаривающихся сторон. С присовокуплением Столбовского договора, одной дополнительной к оному записи и двух межевых записей. Стокгольм, 1649, октября 19/20 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 1 (1649–1675). СПб., 1830. № 19. С. 172–221.
34. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) : в 4 ч. Ч. 4 (Пруссия, Франция, Швеция) / изд. Комиссии печатания Государственных грамот и Договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел М. : Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. 464 с.
35. *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. : Справочник. Вып. 2 : Войны и мирные договоры. Книга 1 : Европа и Америка. М. : Международные отношения, 1995. 781 с.
36. *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1950. 168 с.
37. *Якубов К. Н.* Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. : сборник материалов из Моск. Главн. Архива МИД и Шведского Гос. Архива 1616–1651 (Посольство князя Борятинского с товарищами в Швецию) // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 28–71.
38. Царская грамота дворянину Вышеславцеву, дьяку Копнину и подьячему Частого, с выговором за притеснения жителей Лопских семи погостов и за незаконные с них поборы. 1619, ноября 8 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 371–373.
39. *Селин А. А.* Никита Васильевич Вышеславцев : новгородский служилый человек в военно-политических батальных Смутного времени // Смутное время в России в начале XVII века : поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле : материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.) / под ред. В. Н. Козлякова. М. : Издательство ЗАО «2К», 2012. С. 270–278.
40. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. 735, [1] с.
41. Дворцовые разряды... СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645 гг.). 496 с.
42. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб., 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
43. Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 1–103.
44. *Горбатов Е. Н.* «Подлинный» боярский список 1637 / 38 года // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 5. М. : Старая Басманная, 2019. С. 41–113.
45. *Горбатов Е. Н.* «Подлинный» боярский список 1638 / 39 года // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 6. М. : Старая Басманная, 2019. С. 163–235.
46. *Рабинович Я. Н.* Калмыки и левобережный Саратов во второй – третьей четверти XVII века : от вооруженных конфликтов к мирным торговым связям // Военно-исторические исследования в Поволжье : сборник научных трудов. Саратов : Техно-Декор, 2019. Вып. 12–13. С. 126–134.
47. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соч. : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 6, т. 12. 736 с.
48. Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева туринскому воеводе Федору Шишкину о послах тайшихи Дарьки, о русском пленнике саратовце Степане Карташе и о вестях, полученных от него про сбор калмыков в поход. 1648 г., после 3 мая // *Миллер Г. Ф.* История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 2, № 457. С. 526.
49. *Рабинович Я. Н.* «Новая Саратовская летопись» о событиях 1641–1650 гг. в Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 80–90. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-80-90>
50. *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643 / 44) года // Архив русской истории. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. С. 382–483.
51. *Рабинович Я. Н.* К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-237-244>

Поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 12.04.2022